ЯЗЫК
СЕМИОТИКА
КУЛЬТУРА

Майкл ФЛАЙЕР

Избранные труды

Работы по синхроническому языкознанию

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Майкл Флайер

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том I

Работы по синхроническому языкознанию

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

УДК 811.163.1
ББК 81.2Рус
Ф 69

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Украинского исследовательского института Гарвардского университета

Флайер Майкл

Ф 69 Избранные труды. Т. I: Работы по синхроническому языкознанию. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 696 с. — (Язык. Семиотика. Культура)

ISSN 1727-1630
ISBN 978-5-9551-0425-6

Настоящее издание представляет собой первый том из двухтомного собрания сочинений американского слависта, профессора Гарвардского университета, Майкла Флайера. Первый том посвящен синхроническому языкознанию и включает в себя монографию об именной детерминации в старославянском языке. В работе дан анализ синтаксических и семантических факторов, определяющих распределение полных и кратких прилагательных в канонических текстах. Автор также обращает внимание на влияние палеографической и фонетической интерференции на интерпретацию прилагательных в контексте.

Вошедшие в первый том статьи посвящены основополагающим фонологическим, морфофонемным и морфологическим структурам восточнославянских языков, рассматриваемых как в стандартизованной литературной, так и в диалектной форме. В каждом случае факторы типологии, распределения, системной иерархии и направленности обеспечивают прочную основу для выявления основных структур языка.

Темы статей, публикуемых во втором томе собрания, затрагивают проблемы диахронического языкознания и культурной семиотики средневековой Руси.

ББК 81.2Рус

В оформлении суперобложки использован фрагмент иконы «Св. Иоанн Богослов с Прохором на о. Патмос»

Майкл Флайер
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
Том I: Работы по синхроническому языкознанию
Издатель А. Кошелев
Зав. редакцией М. Тимофеева
Художественное оформление переплета С. Жигалкина
Оригинал-макет подготовлен А. Шипуновой, Л. Кисличенко, Е. Морозовой
Подписано в печать 10.08.2010. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1,
печать офсетная, гарнитура Times. Усл. печ. л. 43,5. Тираж 800. Заказ №
Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449.
Phone: **95-95-260.** E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com** Site: **http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru**

ISBN 978-5-9551-0425-6

© Флайер, Майкл, 2010
© Языки славянской культуры, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Аспекты именной определенности в старославянском языке

(*Пер. с англ. С. Л. Николаева и О. В. Трефиловой*)

Предисловие 11

Введение 15

Г л а в а 1. К определению термина «старославянский язык». . . . 28
Общее 28
Статус греческого влияния 29
Статус дошедших до нас рукописей. 39
Определение нормы для старославянского языка. 51

Г л а в а 2. Именная составляющая в старославянском языке. . . . 53
Общее 53
N-иерархия 54
Референциальная иерархия 56
Къто — чьто 64
Нѣкъто — нѣчьто 65
Признак [ОПР] 66
Притяжательные местоимения 76
Местоименные признаки 80

Г л а в а 3. Притяжательные (аффилиативные и аппозитивные) прилагательные 83
Общее 83
Прилагательные места и народностей на **-ьск** 88
Локативные прилагательные на **-ов** 94
Локативные прилагательные на *-j*. 94
Прилагательные на **-ьск** и **-ов** от названий сект. 96

Прилагательные, производные от имен собственных . . . 97
Прилагательные, производные
от нарицательных существительных 100

Глава 4. Прилагательные, производные
от уникальных существительных
или служащие их определениями 107
Общее 107
Религиозные понятия 108
Социальные понятия 124
Временны́е и пространственные понятия 127

Глава 5. Прилагательные, служащие определениями
нарицательных существительных
или подвергающиеся субстантивации 140
Общее 140
Неопределенные существительные 142
Конкретные существительные 149
Определенные существительные 156
Обобщающие существительные 166
Субстантивированные прилагательные 169
Субстантивированные прилагательные
и прилагательные-атрибутивы
во множественном числе 177

Глава 6. Заключение 183

Дополнение 187

Указатель цитированных евангельских чтений 233

Избранная библиография 244

Примечания редактора 257

Указатель имен 262

Статьи

Лайтнер о русской фонологии (*Пер. с англ. С. Л. Николаева*) 271
Долгие диезные шипящие согласные в русском языке
(*Пер. с англ. С. Л. Николаева*) 296

Долгие диезные шипящие согласные в русском языке с функциональной точки зрения (*Пер. с англ. С. Л. Николаева*) 332
Морфонологическое изменение как свидетельство фонологического изменения: статус мягких велярных в современном русском языке (*Пер. с англ. А. М. Красовицкого*) 352
Образование вторичных имперфективов в русском языке (*Пер. с англ. С. Л. Николаева*) 368
Сдвиг глайда в русском глагольном словообразовании (*Пер. с англ. С. Л. Николаева*) 398
Морфология действительного причастия прошедшего времени в русском языке (*Пер. с англ. С. Л. Николаева*) 419
Заметки о русской глагольной префиксации (*Пер. с англ. С. Л. Николаева*) 451
Синтагматические ограничения на русскую приставку *пере-* (*Пер. с англ. С. Л. Николаева*) 468
Делимитативные приставки в русском языке (*Пер. с англ. М. А. Даниэля*) 487
Обоянское диссимилятивное яканье: канонический случай полной нейтрализации (*Пер. с англ. С. Л. Николаева*) 512
Его то видно, то не видно: украинская фонема *j* в контексте (*Пер. с англ. С. Л. Николаева*) 578
Сегментация, ранг и естественные классы в украинской диалектологии (*Пер. с англ. С. Л. Николаева*) . . . 597
Суржик: правила взаимодействия (*Пер. с англ. С. Л. Николаева*) . . 622

Послесловие. Вклад Майкла Флайера в лингвистику славянских языков (*А. Тимберлейк*; *пер. с англ. А. Хорев*) 651

Published Bibliography 680

АСПЕКТЫ
ИМЕННОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ[(i)]*

Исследования, полностью или частично посвященные распределению полных и кратких прилагательных в старославянском языке, пока еще не привели к удовлетворительным результатам по причине коренного заблуждения части исследователей, которые не принимают во внимание следующие соображения: (1) распределение непредикативных прилагательных тесно связано с кванторными и референциальными семантическими признаками, которые определяют образованное с их помощью имя, и может рассматриваться лишь как часть взаимосвязанной системы отношений; (2) понятие «старославянский язык» (как цельный идиом) неопределенно в силу того, что любому из дошедших до нас памятников приписывается одинаковая ценность, несмотря на различие традиций или диалектов, свойственных данному тексту; (3) все тексты представляют неполную картину «нормы», свойственной данной традиции, вследствие ошибок, допущенных писцами, исправлений, взаимовлияния славянских диалектов и внешнего греческого влияния; и (4) тексты могут соответствовать различным греческим источникам.

Настоящее исследование ограничено рассмотрением референциальных признаков и их тесной связи с адъективными формами в старославянском языке. Оно показывает, что эти признаки, в основном связанные с семантической категорией «именная составляющая» (*NP*), лежат в основе старославянских форм, традиционно называющихся неопределенными местоимениями, неопределенными местоименными прилагательными, указательными местоимениями, притяжательными прилагательными и личными местоимениями. В ходе обсуждения проблемы упоминаются также и кванторные признаки.

Введение содержит краткий очерк моего понимания грамматической теории и объяснение различных обозначений и сокраще-

---

* Примечания к сноскам римскими цифрами см. на с. 257.

ний, использующихся в тексте. Понятие «автономный синтаксис» отвергается в пользу «модели порождающей семантики» в согласии с новейшими тенденциями трансформационного направления в лингвистике.

В главе 1 проясняется понятие «старославянский язык». Подчеркивается влияние греческих первоисточников — как с точки зрения глубинной структуры, так и со стилистической точки зрения. Ошибки переписчиков, фонетические «интерференции» и стяжение гласных рассматриваются в связи с вероятностью их влияния на употребление прилагательных в текстах.

Глава 2 посвящена понятию «именной составляющей» в старославянском языке и выработке базисной именной иерархии признаков, *N*-иерархии, лежащей в основе существительных как лексических единиц. Рассматриваемая на фоне взаимодействия объективного и субъективного восприятий, детализация этой главной иерархии признаков имеет своим результатом развитие референциальной иерархии и возможности именной детерминации. Местоимение **j-* рассматривается в свете тесной взаимосвязи между атрибутивными прилагательными и «ограничительными» придаточными определительными предложениями.

Следующие три главы содержат изложение результатов анализа всех непредикативных прилагательных, встречающихся в четырех рукописных евангелиях: Мариинском, Зографском, Ассеманиевом евангелиях и в Саввиной книге. По формальным и семантическим признакам объединены притяжательные прилагательные — «принадлежности» и «присоединения» (глава 3); прилагательные, производные от существительных, обозначающих уникальные объекты, или являющиеся определениями подобных существительных (глава 4); прилагательные, являющиеся определениями имен нарицательных или субстантивированными (глава 5).

Рассматривая различные ошибки писцов, возможные стяжения гласных, разные греческие первоисточники и ошибки издателей, я пытался показать, что распределение полных и кратких прилагательных в старославянском является достаточно регулярным, несмотря на воздействие на них исконно славянских тенденций к закреплению атрибутивной функции за полными и предикативной — за краткими формами. В частности, важен раздельный анализ субстантивированных форм множественного и немножественного

числа. Последние следуют модели атрибутивных прилагательных, тогда как у первых не только нейтрализуется различие между полными и краткими формами, но они сами воздействуют на атрибутивы, стоящие во множественном числе.

Группы прилагательных, которые лишь частично затрагиваются в основном тексте книги, полностью перечислены в Дополнении, следующем за главой 6. После него дается Указатель евангельских чтений, встречающихся в тексте и Дополнении.

Я хочу поблагодарить за помощь и поддержку профессоров Фрэнсиса Дж. Уитфилда, Роберта Х. Уитмена и Уоллиса Л. Чейфа из Калифорнийского университета (Беркли), которые прочитали рукопись целиком и высказали много ценных советов по ее улучшению. Будучи моим первым учителем славистики, проф. Уитфилд постоянно подчеркивал самодостаточность, полноту и простоту дескриптивного метода, провозглашенные его датским коллегой Луи Ельмслевом, что послужило бесценным примером для подражания. Многочисленные дискуссии с проф. Уитменом постоянно побуждали меня к уточнению теоретической системы взглядов, которая лежала в основе моей работы. Исследования проф. Чейфа в области современной теории грамматики побудили меня отказаться от «автономного синтаксиса» как компонента, существующего в отрыве от семантики. Я хотел бы также поблагодарить профессоров Хенрика Бирнбаума, Александра Исаченко и Дина Ворта, моих коллег в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес), прочитавших отдельные части моей рукописи и проведших со мною многие часы в обсуждении некоторых важных положений, содержавшихся в них. Хотя я и последовал многим, если не всем, из данных мне прочитавшими мою рукопись советов, это, разумеется, не означает, что я не ответствен за ошибки, которые в ней остались.

Также я обязан Лоре Гоулд из Группы по переводу при Калифорнийском университете (Беркли), которая помогла мне в написании компьютерной программы составления текстуального и грамматического конкорданса Мариинского евангелия, Межуниверситетскому Комитету по грантам для поездок (ныне Международный отдел по исследованиям и научному обмену) за предоставленную мне возможность проводить исследования старославянского синтаксиса в Московском государственном университете

в 1966—1967 гг. и Элизе Катц за помощь в подготовке указателей и завершающую редактуру рукописи.

Калифорнийский университет,
Лос-Анджелес,
июль 1970 г.

ВВЕДЕНИЕ

0.1. При изучении различных статей и монографий, полностью или частично посвященных употреблению полных форм прилагательных в старославянском языке (далее СтСл), создается впечатление, что материал рассматривается изолированно и внимание не обращается на важные глубинные связи между такими поверхностно не связанными элементами, как полные формы прилагательных, неопределенные местоимения, местоименные прилагательные и личные местоимения. После непосредственной работы с материалом СтСл евангелий я интуитивно понял, что между этими элементами имеются системные связи на глубинных уровнях структуры.

0.2. Сначала я попытался трактовать связь между ними на основе трансформационного подхода, разработанного Наумом Хомским в «Аспектах теории синтаксиса»[1]. Вскоре мне стало ясно, что выделение правил, обеспечивающих корректную репрезентацию на поверхностном уровне, стало преобладающим направлением в анализе, мешающим при этом установлению отношений, которые, как я чувствовал, присутствуют в глубинной структуре. Например, глубинные представления, лежащие в основе морфем **с-** ‘этот’ и **т-** ‘тот’, были просто распределены по разным парадигмам, причем существование возможного объяснения этого распределения не принималось во внимание.

0.3. Мое убеждение в том, что центральный синтаксический компонент несомненно является связующим звеном между интерпретативным семантическим и фонологическим компонентами, побудило меня придавать большее значение синтаксическим категориям и их месту в выводе (derivation) предложения, чем семантическим признакам и отношениям между ними. Поэтому я попытался переоценить свои интуитивные понятия о СтСл имен-

---

[1] *Chomsky N*. Aspects of the theory of syntax / Massachusetts Institute of Technology. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1965[(ii)].

ных определителях на основе импликационных отношений между ними, чувствуя, что существуют универсальные свойства, которые могли быть представлены также и в СтСл. В рамках этого подхода я действовал по направлениям, сформулированным Уоллесом Чейфом, Джорджем Лакоффом, Джеймсом Мак-Коли и другими, в согласии с текущим направлением в рамках порождающей семантики.

0.4. Корпус СтСл евангельских текстов, который я использую в настоящей работе, разумеется, представляет собой ограниченный, закрытый корпус, в котором во многих случаях отсутствуют эмпирические данные, необходимые мне для подтверждения моих утверждений, касающихся глубинной репрезентации системы именных определителей. Конечно, отсутствие фактов само по себе не доказывает неправильность теории; однако в то же время оно не позволяет подтвердить ее. Где это было возможно, я опирался на прямые или косвенные свидетельства в пользу своих выводов. В прочих случаях я полагался только на интуицию. Возможно, что это самый слабый способ аргументации, но утверждения, которые я высказываю по поводу отдельных аспектов системы именных определителей в СтСл языке, несомненно подтверждаются материалом других языков, а также могут быть подтверждены или опровергнуты постольку, поскольку возможно обращение к интуиции носителей языка. Тем не менее само выдвижение гипотез таких глубинных отношений может быть полезным для побуждения будущих исследователей заняться проблемами, которые еще не затрагивались во всей их сложности и все еще требуют эмпирической документации, в особенности в СтСл.

0.5. В частности, сюрпризом для меня в ходе моего исследования оказалось отсутствие у части исследователей внимания к возможным ошибкам в текстах, как к случайным, так и к систематическим. Рассматривая многие сделанные писцом вставки, соскабливания и фонетически мотивированные написания, представленные во всех текстах, приходишь в изумление от того, как вообще можно было их не заметить. В последующем обсуждении полных форм прилагательных я укажу на членение непрерывных СтСл текстов в современных изданиях, которое мне кажется неправильным. В этих случаях представляется, что переводчиками были пропущены слова в греческих оригиналах. Я также предположил, что в случае с прилагательными могут обнаружиться многие крат-

кие формы, появившиеся в результате ассимиляции и стяжения гласных вследствие утраты интервокального йота. Это предположение выдвигается предварительно, с очевидными ограничениями, которые не могут быть доказаны или опровергнуты на основании материала текстов. Лишь всестороннее статистическое исследование ассимиляции и стяжения гласных в конкретных позициях в отдельных СтСл текстах предоставит нам факты, позволяющие подтвердить или отвергнуть предварительную гипотезу. Она предложена в качестве замечания на будущее.

0.6. Кроме обсуждения СтСл именных составляющих в главе 2 я сделал попытку свести к минимуму гипотетические и спекулятивные мнения, упоминая о них лишь мимоходом. Разумеется, сам факт того, что СтСл корпус текстов ограничен, побуждает исследователя делать определенные допущения, относящиеся к фактам, отсутствующим в нем. Я буду документировать свои утверждения эмпирическими фактами везде, где это возможно.

0.7. Прежде чем непосредственно перейти к обсуждению имеющегося материала, я считаю нужным дать краткий обзор своих мыслей по поводу лингвистической теории и по поводу модели, построенной согласно ее принципам. Только ознакомившись с ними, читатель сможет разъяснить себе место СтСл именной составляющей во всей системе в целом.

0.8. Понимание современной лингвистики как «науки о языке» основывается на предположении, что многочисленные человеческие языки мира, как живые, так и мертвые, являются воспринимаемыми реализациями абстрактной единицы, называемой «человеческим языком». Конечная цель лингвистики — создание теории языка, структурных принципов, в соответствии с которыми построены все языки. Согласно Ельмслеву, теория должна быть произвольной и адекватной: «произвольной» в том смысле, что ее положения устанавливаются независимо и не ограничиваются доступными эмпирическими фактами; «адекватной» в том смысле, что все гипотезы, которые должны объяснять эмпирические факты, выводимы из теоретических положений[2]. Адекватность гарантирована «эмпирическим принципом», который верифицирует

[2] *Hjelmslev L.* Prolegomena to a theory of language / Trans. by Francis J. Whitfield. Rev. English ed. Madison: University of Wisconsin Press, 1963. P. 10–11, 14(iii).

описание, основывающееся на теории, относительно самодостаточности, адекватности и простоты[3]. Я согласен с предположением Хомского о том, что модель грамматики конкретного языка является описанием того, что он называет «компетенцией» идеальных говорящего и слушающего, свойственного им знания языка, а не их «речевой деятельности», действительного использования языка в конкретных ситуациях[4]. Впрочем, возможно, что компетенция не статична, как предполагает Хомский, а динамична в том смысле, что она развивается в результате расширения восприятия и дифференциации мира слушающим-говорящим, хотя и через определенные фиксированные стадии, логическое развитие которых лингвисты пытаются реконструировать.

0.9. Как можно заключить из сказанного выше, я отказываюсь от понятия автономного центрального синтаксиса, который неизбежно низводит семантику до второстепенного уровня. Следствием такого подхода стало преувеличенное внимание к синтаксическим категориям в ущерб глубинным отношениям, лежащим в основе языка и в действительности определяющим сами его единицы, которые в силу этого, возможно, представляются основополагающими: «…целое состоит не из вещей, а из отношений… Трактовка предметов как чего-то отличного от способа выражения отношений является избыточной аксиомой…»[5(iv)]. Единицы и отношения, существующие между ними, таким образом, определяют категорию, а не наоборот.

0.10. Я принимаю мнение Хомского о том, что грамматика языка, как модель компетенции, способна порождать бесконечное множество правильных предложений, содержащихся в языке, давая каждому из предложений структурное описание[6]. Предложение считается минимальной единицей языка, способной независимо находиться вне рамок связной речи и контекста. Такие термины, как «предложение», должны определяться на основании их контекстуальной структуры, т. е. в терминах единиц и отношений, которые в них доминируют.

0.11. Грамматика состоит из (1) СЕМАНТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА, который определяет отношения между иерархиями семантиче-

---

[3] *Hjelmslev L.* Prolegomena… P. 11.
[4] *Chomsky N.* Aspects… P. 3—4.
[5] *Hjelmslev L.* Prolegomena… P. 23.
[6] *Chomsky N.* Aspects… P. 4—5.

ских признаков и включает лексикон, состоящий из инвентаря лексических единиц; (2) ТРАНСФОРМАЦИОННОГО КОМПОНЕНТА, который преобразует репрезентации семантического компонента в линейные поверхностные структуры, и (3) ФОНОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА, который содержит частично упорядоченное множество циклических правил, преобразующих системные фонологические репрезентации, содержащиеся в лексиконе, в системные фонетические с учетом помеченных скобочных записей поверхностной структуры.

0.12. Как я сейчас полагаю, семантический компонент грамматических предложений (*S*) подразделяется на две группы категорий, определяемых доминированием в них одной из иерархий признаков и их отношением к *S*: (1) иерархиями признаков, характеризующих именные и глагольные категории, и (2) иерархиями признаков, характеризующих перспективную организацию (ОБРАМЛЯЮЩУЮ КОНСТРУКЦИЮ) всего предложения, включающую такие понятия, как стиль, эмфаза, время, модальность и актуальность (выбор субъекта, объекта и т. д.), т. е. выбор точки зрения, с которой рассматривается сообщение, реализуемое Предложением. Следствие действия ОБРАМЛЯЮЩЕЙ КОНСТРУКЦИИ проявляется в порядке поверхностных структурных единиц, в выборе эквивалентных семантических единиц, в коррекции фонологических правил, в выборе интонационных матриц и т. д.[7]

0.13. Семантический компонент понимается как относительно каркасная структура, которая использует свои базисные отношения и признаки для порождения новых, таким образом расширяя систему и обеспечивая ей бóльшую силу выражения. Уровень репрезентации, который я вслед за Хомским называю поверхностной структурой, рассматривается как завершающая стадия порождения в плане содержания.

0.14. Подразделениями Предложения (*S*) являются именная (*N*) и глагольная (*V*) семантические категории, а также ОБРАМЛЯЮЩАЯ КОНСТРУКЦИЯ. Они главенствуют в иерархиях семантических признаков, представляя подчинение частных признаков основным. Эти признаки будут называться «лексическими», так как допускается почти неограниченное членение некоторых из ветвей иерархии,

[7] Ср. *Worth D. S.* Suprasyntactics // Proceedings of the Ninth International Congress of linguistics. Cambridge (Mass.), 1962 / Ed. H. G. Lunt. The Hague: Mouton, 1964. P. 698—705.

если в исследуемом языке есть средства для символической репрезентации подобного дальнейшего членения и, таким образом, для увеличения инвентаря лексических единиц в лексиконе. В этом смысле иерархии, лежащие в основе именных и глагольных категорий, являются «открытыми». *N* доминирует в иерархии признаков, объединяемых понятием «предметность»; *V* доминирует в иерархии признаков, объединяемых понятием «состояние», одним из которых является «действие», рассматриваемое как непрерывная последовательность состояний во времени. Я не употребляю понятия обычной репрезентации с помощью показателя структуры составляющих (*C*-показатель, phrase-marker), используемое Хомским в его работах в рамках трансформационной лингвистики, так как подобные репрезентации делают вторичными отношения между *N* и *V*, лингвистический факт, который я считаю первичным. В моей схеме, приводимой ниже, глаголы представлены в качестве ядерных сущностей, которые вступают в отношения с существительными.

Рис. 1

0.15. Хомский предложил сильное доказательство утверждения, в соответствии с которым глаголы (я имею в виду категорию, включающую как традиционные глаголы, так и некоторые прилагательные) распределяются по категориям согласно признакам существительных, а не наоборот[8]. Однако в этой классификации (подкатегоризации) глагол обладает валентностью и переносит некоторые из своих признаков на существительные, с которыми вступает в отношения. В (1a-b) глагол *drank* переносит свой признак [ОДУШЕВЛЕННОСТЬ] на существительное, с которым он вступает в агентивное отношение.

(1) (a) The boy drank the milk ‘Мальчик пил молоко’.
(b) The table drank the milk ‘Стол пил молоко’.

В примере (1a) не чувствуется нарушений грамматических правил, так как глагольная валентность подразумевает признак [ОДУ-

[8] *Chomsky N.* Aspects… P. 90 ff.

ШЕВЛЕННОСТЬ] у существительного, а существительное само по себе одушевленное. Это не так в случае со *столом*. Но нужно отметить, что если пример (1b) нуждается в общей интерпретации, то следует предполагать одушевленность *стола*. Имя не может переносить свой признак неодушевленности на глагол. Обсуждая подкатегоризацию (разложение категории на последовательность категорий), Хомский показал, что «грамматические функции» типа «субъект» и «объект» важны, но поместил их в своей окончательной схеме на второстепенную позицию, среди предсказуемых результатов определенных конфигураций *C*-показателей. Эти функции отношений между существительными и глаголами, как мне кажется, — именно те, что «обеспечивают целостность предложения», и потому должны занимать важное место в процессе порождения предложений. Игнорируя подчинение, можно показать, что только один *V* и несколько *N* могут сосуществовать в СтСл при непосредственном порождении *S*, причем *V* устанавливает различные семантические отношения с каждым из *N*. Например:

(2) (а) Мк 14:68 **и кокотъ вьспѣтъ** (1 *N*)
‘и петух пропел’;
(б) Лк 15:27 **и закла от⟨ь⟩цъ твои телецъ оупитѣнъı** (2 *N*)
‘и зарезал отец твой жирного теленка’;
(в) Ин 10:28 **азъ животъ вѣчънъıи даѫ имъ** (3 *N*)
‘я даю им вечную жизнь’.

Приведенный материал позволяет нам согласиться с тем, что *V* занимает центральную позицию в распространении *S*. Следует отметить, что грамматическое средство, которое предусматривает выражение именной подкатегоризации *V*, не должно интерпретироваться как довод в пользу точки зрения, согласно которой категория *V* первична относительно отношения или конкретного *N*, с которым она находится в отношении. Отношение определяет возможные иерархии именных и глагольных признаков, которые могут сосуществовать как конечные. Будучи управляемыми предложением (*S*), отношения при этом, по-видимому, «увязываются» глаголом, причем наличие одних отношений зависит от наличия других. Вслед за Чейфом[9] я называю связи между главными семантическими категориями — *N*, *V* и *S* — «осями», хотя мое исполь-

[9] *Chafe W. L.* Explorations in the theory of language (в рукоп.), 1966. P. 60 ff. О понятии «грамматика падежей» см. *Fillmore Ch. J.* The case for

зование этого термина шире и включает связи, лежащие в основе падежных отношений и потому в основе реализации некоторых предлогов. Ниже я несколько видоизменю понятие оси.

0.16. В любом языке присутствуют признаки, которые я называю «нелексическими», единицы, из которых состоят иерархии, группирующиеся вокруг иерархий лексических признаков и связывающие их с предложением. Например, наклонение, время и вид придают предложению перспективу, обеспечивая фон, на котором взаимоотношения между именными и глагольными элементами могут быть определены более точно. Вокруг существительного сгруппированы такие нелексические признаки, как [МНОЖЕСТВЕННОСТЬ] и [НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ]. Эти единицы образуют ограниченное множество; эти иерархии не являются открытыми, как те, которые лежат в основе лексических единиц. Семантическая категория *N* вместе с нелексическими признаками, сочетающимися с нею, образует именную составляющую (*NP*); семантическая категория *V* вместе с осями и *NP*, связанной с ними, образует глагольную составляющую (*VP*). Осевые отношения, таким образом, связывают семантические категории *NP*, *VP* и *S*.

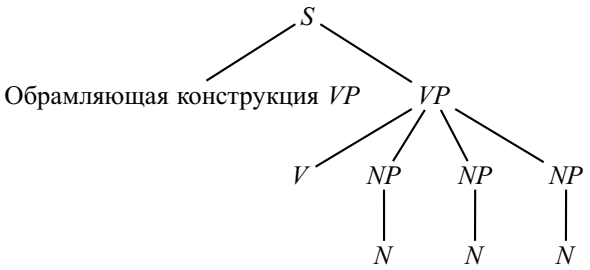

Рис. 2

Я следую Хомскому в допущении, что *NP* управляет *N* и *S*[10] и, таким образом, делает возможными множественные вставления, характерные для естественного языка.

---

case // Universals in linguistic theory / Ed. E. Bach, R. Harms. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968. P. 1—88(v).

[10] Возможно, что *S*, в сформулированном здесь виде, является избыточной единицей и что *VP* в действительности управляет как особыми отношениями, так и ОБРАМЛЯЮЩЕЙ КОНСТРУКЦИЕЙ. Это — эмпирическая проблема, которая, однако, находится за пределами настоящей дискуссии, и поэтому здесь сохранено различие между *S* и *VP*.

0.17. В зависимости от пределов членимости признаков некоторые единицы поверхностной структуры могут быть обозначены таким образом, чтобы было ясно, является ли каждая из них маркированной или немаркированной по данному глубинному признаку. Если морфема маркирована, то наличие признака в глубинном представлении обязательно. Если она не маркирована, то ее характеристика как члена иерархии неизвестна, но потенциально устанавливается посредством глагольных валентностей. Например, в английском языке можно представить себе признак [ПРЕДМЕТ], далее охарактеризованный признаком [ОДУШЕВЛЕННОСТЬ], а признак [ОДУШЕВЛЕННОСТЬ] позволяет различие признаков [МУЖ(ской)], [ЖЕН(ский)] и [ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ].

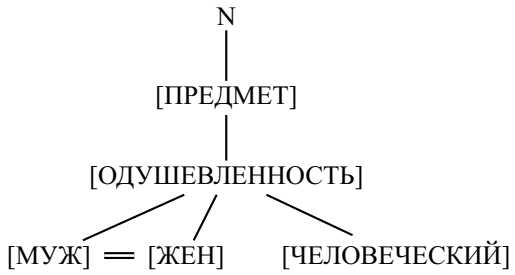

Рис. 3

Двойная черта между [МУЖ] и [ЖЕН] на рис. 3 обозначает дизъюнкцию; таким образом, [ОДУШЕВЛЕННОСТЬ] может в дальнейшем характеризоваться признаками [МУЖ] или [ЖЕН], но не обоими одновременно. На рис. 3 представлена каркасная иерархия, которая, возможно, лежит в основе таких английских существительных, как *man*, *woman*, *boy* и *girl*. Иерархия на рис. 4 лежит в основе *man* и *boy*, иерархия на рис. 5 — *woman* и *girl*.

Но нужно отметить, что фонологическая репрезентация *man* в значении ‘человеческое существо мужского пола’ такая же, как у *man* в значении ‘человечество’ (mankind). Из самой по себе цепочки единиц уровня выражения невозможно понять, характеризуется или нет символизированная иерархия признаком [МУЖ]. С другой стороны, лексическая единица *woman* всегда маркирована, обозначая ‘человеческое существо женского пола’. Лексические единицы *boy* и *girl* также всегда маркированы по признаку их отношения к тому или иному полу. В грамматике английского языка два значения *man* различаются тем, что одно из них характеризуется при-